

Се Цзыцзин уже собирался двинуться вперед, как Цинь Гэ схватил его за руку и оттащил в сторону.

— Се Цзыцзин, внимательно слушай, — быстро и тихо произнес Цинь Гэ. — Ты не мой партнер по погружению, ты еще не оформил документы о приеме на работу, так что ты вообще не являешься сотрудником Отдела ментального регулирования Кризисного бюро. Ни принципы конфиденциальности, которые обязаны соблюдать партнеры-регуляторы, ни соглашение о неразглашении Отдела регулирования — ничто из этого на тебя не распространяется.

Се Цзыцзин слушал спокойно.

— В предстоящем патрулировании ты будешь совершенно посторонним человеком, — крепко сжал его рукав Цинь Гэ. — Ты понял?

— Так как же мне тебя защищать? — спросил Се Цзыцзин. — Я не учился быть партнером по погружению.

Цинь Гэ слегка занервничал и вынужден был еще больше понизить голос:

— Не думай о защите меня. Запомни: все, что произойдет в этой комнате, все, что я услышу и увижу, только ты, как посторонний, сможешь записать и рассказать другим. Понял?

— Понял, — взглянул Се Цзыцзин в глаза Цинь Гэ. — Когда ты сказал, что я твой партнер по погружению, я понял, что Цай И обманул тебя, и ты хочешь обмануть его. Как именно — раньше я не знал, но теперь понял.

Цинь Гэ слегка расслабился и отпустил руку Се Цзыцзина.

Но тут же Се Цзыцзин перехватил его запястье.

— Так как же мне тебя защищать? — приблизился он. — Насколько опасным будет глубокое погружение? Что именно ты собираешься делать? Я совершенно не в курсе.

Он подошел слишком близко, и в сердце Цинь Гэ зазвучал тревожный сигнал.

— Тебе не нужно меня защищать, — высвободил свою руку Цинь Гэ, и с его плеча поднялся клубок тумана. Вскоре на плече появился ангорский кролик.

Увидев Се Цзыцзина, кролик тут же попытался прыгнуть на него, но был мгновенно схвачен Цинь Гэ и лишен возможности двигаться.

— Глубокое погружение несет определенные риски, но Цай Миньюэ уже в годах, и ее море

сознания не сможет удержать меня.

Се Цзыцзин последовал за ним к кровати, окруженной занавесками, и тихо сказал:

— Тогда я должен защитить кролика.

Кролик возбужденно дергался на плече, но Цинь Гэ крепко держал его, не отвечая Се Цзыцзину.

Осторожно раздвинув занавески, он увидел, как пожилая женщина на кровати открыла глаза и спокойно посмотрела на него.

Цай Миньюэ было за семьдесят. Из-за болезни и длительных мучений в море сознания она стала похожа на скелет, обтянутый кожей. На ней была кислородная маска, а выражение лица выражало слабость и напряжение.

Цинь Гэ сел на край кровати, взяв руку Цай Миньюэ.

— Я ментальный регулятор Цинь Гэ, — тихо сказал он. — Доктор Цай, ваш сын пригласил меня, чтобы помочь вам с проблемами в море сознания.

Цай Миньюэ вдруг широко раскрыла глаза. Ее иссохшая рука задрожала, и внезапно набравшись сил, она крепко сжала пальцы Цинь Гэ.

Слезы покатались из ее глаз, скатываясь в иссохшие седые волосы на висках.

— Спаси... меня... — беззвучно крикнула она, широко открыв рот.

Кролик Цинь Гэ перестал дергаться. Он спрыгнул с плеча и устроился на иссохшей ладони Цай Миньюэ.

Он был настолько маленьким, что ладонь взрослого человека оказалась для него вполне достаточной.

Цинь Гэ погладил его по ушам и спине, затем положил свою руку на кролика и закрыл глаза.

В следующий момент кролик исчез. Густой белый туман хлынул из соединенных ладоней Цай Миньюэ и Цинь Гэ.

Запах духовной сущности Цинь Гэ, невероятно насыщенный, мгновенно заполнил всю палату.

Се Цзыцзин даже почувствовал, будто его окружило теплое море. Он ощущал эмоциональные колебания Цинь Гэ и быстро понял, что тот очень напряжен.

Подобно тому, как Цинь Гэ гладил кролика, он поднял руку и очень мягко провел по волосам Цинь Гэ. Цинь Гэ патрулировал море сознания и не мог знать, что его коснулись. Се Цзыцзин стоял за его спиной, поддерживая ее, готовый к любым неожиданностям, о которых он никогда не слышал.

За пределами палаты Цай И и его секретарь быстро переглянулись. Бай Сяюань и Тан Цо напряженно стояли у двери, все они почувствовали едва уловимый запах, исходивший из палаты.

— ... Что это за духовная сущность? — спросил Цай И.

Бай Сяюань и Тан Цо промолчали.

— Очень мило, — усмехнулся Цай И. — Неплохо, единственный регулятор в Кризисном бюро, способности на уровне.

Бай Сяюань продолжала молчать, но Тан Цо не выдержал:

— Цинь Гэ... Начальник Цинь очень сильный, из пяти регуляторов в стране он самый молодой.

Бай Сяюань бросила на него сердитый взгляд, и Тан Цо поспешно замолчал, отвернувшись от Цай И.

Цай И кивнул, задумался на мгновение, а затем неожиданно спросил:

— У него есть партнер?

Бай Сяюань: «...»

Тан Цо: «...»

Цай И:

— Узнайте.

Его секретарь тут же кивнул и начал работать с телефоном.

Цинь Гэ не знал, что происходило внутри и снаружи палаты. В момент входа в море сознания Цай Минъюэ он сразу же почувствовал страх.

Операционная, стены которой сочились кровью, младенцы, вылезавшие из стен, роженица, кричащая на операционном столе, молчаливый врач с ножом.

Все, что описывал Пэн Ху, теперь оказалось перед его глазами.

Цинь Гэ стоял в операционной № 6. Это было тридцать лет назад, воспоминание Цай Минъюэ, в операционной еще не было окна, которое позже прорубили, а свет лампы казался красным, плававшая в кровавом тумане. Резкий запах крови ударил в нос, крики пациентки были настолько душераздирающими, что Цинь Гэ вынужден был отступить на несколько шагов.

Его ноги стояли в крови, и при каждом движении раздавался липкий звук.

Кровь была глубиной в дюйм, почти покрывая подошвы его обуви. Вся операционная словно была затоплена, пронизана, но врачи вокруг операционного стола продолжали молчать, будто ничего не слышали и не видели.

У него был всего час. Цинь Гэ не мог позволить себе промедления. Ему потребовались огромные усилия, чтобы подавить страх, и лишь тогда он смог сделать шаг к операционному столу.

Младенцы, выглядывающие из стен, смотрели на него с безразличием, их пустые глазницы с черными зрачками бешено вращались.

Цинь Гэ не решался смотреть на них дольше. С трудом он подошел к операционному столу, крики становились все громче.

Но на операционном столе никого не было. Только пустая больничная одежда, которая сама по себе извивалась и дергалась.

Живот одежды был разрезан, врачи с ножницами и ножами стояли рядом, их глаза были прикованы к зияющему отверстию в центре одежды.

Младенец пытался выбраться оттуда.

Цинь Гэ чувствовал, что каждое место здесь было леденящим душу.

Море сознания Цай Минъюэ было слишком странным. Какой бы сильной ни была психика, но десятилетиями терпеть такие сцены — сойти с ума было бы нормальным.

Он обернулся, чтобы посмотреть на врачей, но обнаружил, что все, кто стоял вокруг операционного стола с опущенными головами, имели лица Цай Минъюэ.

Это была Цай Минъюэ тридцать лет назад. Она еще не была иссушена болезнью и временем, но выражение ее лица было тупым и безжизненным, она не двигалась.

Цинь Гэ отступил к двери операционной, ему пришлось убедить себя уйти.

Дверь операционной легко открылась, и Цинь Гэ, споткнувшись, вывалился наружу.

Он упал в лужу зловонной воды.

Цинь Гэ едва сдерживал дрожь. Он быстро поднялся и обнаружил, что все еще находится в операционной.

Несчастное предчувствие охватило его, и он тут же бросился к двери, с грохотом распахнув ее.

<http://bllate.org/book/15560/1384477>